

Мо Гуньгунь моргнул, вытянул маленькие лапки и крепко уцепился за воротник, а затем нырнул внутрь — его намерения были яснее некуда.

Лу Сяоци посмотрел на небольшой бугорок у себя на груди: «.....»

За последние пару дней ума у малыша прибавилось, или, скорее, он начал понимать человеческую речь?

Сомнение мелькнуло и тут же исчезло, Лу Сяоци легко похлопал его: «Тогда пошли».

Неподалеку отряд скелетов с зеленоватым пламенем в глазницах направлялся к ним. Шагавший впереди красный скелет застучал зубами: «Быстрее!»

Зеленые огни в глазницах красного скелета зловеще мерцали: «Не дайте им сбежать!»

16. Повседневная жизнь генерала, снедаемого горькой ревностью

Мо Гуньгунь уже полностью доверял большому чудищу и лениво развалился у него на макушке.

Шедшее вперед большое чудище излучало невероятно мощную ауру, однако крошечный комочек-панда ни капли не трепетал перед ней — напротив, он украдкой теребил серебряные волосы маленькими лапками.

Мо Гуньгунь не знал, что именно собралось делать большое чудище, поэтому просто послушно следовал за ним.

Эта дорога не лежала через их привычные маршруты, Мо Гуньгунь не узнавал ее и с любопытством озирался по сторонам.

Подойдя к небольшой пещере, Лу Сяоци сузил зрачки, в его черных глазах мелькнул острый блеск, а изнутри донесся писк.

Похоже, они поймали добычу.

Лу Сяоци опустил взгляд и окинул пещеру взглядом: там сидела черная лисица с лоснящейся шкуркой.

Черная лисица оскалила зубы, ее глаза излучали свирепость: «Пи-пи-пи».

Высунувший голову Мо Гуньгунь замер.

Только что он, кажется, прекрасно понял писк этого большехвостого маленького чудища.

Черная лисица в паре прижала уши, ее хвост невероятно сильно распушился — это вызвало у Мо Гуньгуня зависть. Комочек-панда украдкой покосился на хвост большого чудища, затем бросил взгляд на собственный коротышка-хвостик, который едва выделялся даже в поднятом состоянии, и ощутил горькое поражение.

Черная лисица пищала: «Не подходите! Я ужасно свирепый!»

Мо Гуньгунь склонил голову набок.

Похоже, он действительно все понимал.

Небрежно покачивая черным драконьим хвостом, Лу Сяоци сохранял темный взгляд — он явно ни в грош не ставил эту пушистую черную лисицу. Ничто на свете, кроме Мо Гуньгуня, не могло тронуть сердце холодного и бесстрастного генерала.

Увидев этот гигантский черный хвост, лисица едва не наложила в штаны от страха: «Оу-оу-оу, как страшно, спасите, мамочка! На помощь!»

Черная лисица изо всех сил принялась царапать лапами землю в противоположном направлении в надежде выскочить наверх и удрать без оглядки. Вот только пещера была слишком глубокой, и вскарабкаться наверх она никак не могла — вместо этого лисица перевернулась кувырком, задрав брюшко и растопырив лапы, а огромный пушистый хвост полностью укутал ее зад.

Черную лисицу чуть не довел до слез ужас: «Я погибаю! Знал бы, ни за что не стал бы жадничать до еды, оу-оу! Кхе-е~~»

Тело лисицы было очень изящным и стройным, лапки — тонкими, а мордочка — острой. Это разительно отличалось от панды, которую можно было назвать круглым шариком.

Мо Гуньгунь моргал, находя эту лисицу поистине забавной. Он прищурил глаза и тихонько пискнул: «Мн-ау».

Лисица дернула ушами и вскинула голову.

Две пары черных пуговиц-глаз встретились, и Мо Гуньгунь подумал, что это маленькое чудище тоже выглядит довольно занятно.

Мо Гуньгунь: «Мн-мн-ау, мн».

Лисица тут же вытаращила глаза и от удивления приоткрыла свой острый ротик: «Пи-пи-пи!»

Мо Гуньгунь удивился: «Мн, мн?»

Лисица осторожно приблизилась и принялась: «Пи, пи-пи!!»

Затем она осторожно села и принялась усердно складывать передние лапы в приветственном поклоне: «Пи!»

Погруженный в раздумья Лу Сяоци прищурился, решив пока не предпринимать активных действий.

Мо Гуньгунь и черная лисица перекидывались звуками, и казалось, что они действительно о чем-то беседуют. В этот миг на дне души Лу Сяоци поднялось легкое чувство зависти — острое и слегка колющее. Возможно, это была даже ревность, кто знает.

О чем этот малыш болтает с диким зверем? Лу Сяоци невольно погрузился в раздумья.

С момента своего пробуждения Лу Сяоци подсознательно воспринимал малыша как некую ответственность, либо же в своей гордыне считал, что кроха находится под его защитой и изначально носит его метку. Теперь же, оглядываясь назад, он понял, что все обстоит совсем иначе.

У малыша загадочное происхождение и необычайная сила.

Он вовсе не ручной питомец, а дикий комочек-панда, который в любой момент может решить уйти.

Губы Лу Сяоци плотно сжались, а в глубине темных глаз забурлили волны.

Поскольку генерал Лу был неспособен постичь язык животного мира, он впервые ощутил на себе холодное пренебрежение и игнорирование со стороны малыша.

Лу Сяоци с высоты своего роста холодно глянул на черную лисицу, и та с каждой секундой нравилась ему все меньше.

Малыш так весело болтает с этой черномазой штуковиной?

И радовался этому куда больше, чем обществу самого генерала?

Генерал Лу, испытывающий непрекращающееся жжение в груди, все сильнее свирепел и

втайне подумывал содрать с этой лисицы шкуру и зажарить ее на углях.

А малыш меж тем издал еще более ошеломленный и взволнованный возглас.

На самом деле Мо Гуньгунь был просто потрясен.

И вовсе не потому, что он вдруг понял язык другого биологического вида, а потому, что черная лисица сообщила ему: она видела животных точно таких же, как он сам.

Мо Гуньгунь: «Σ(°△°|||)□»

Животное, похожее на него?! Неужели это была мама?

Охваченный невероятной радостью и изумлением, Мо Гуньгунь не удержался, соскользнул с головы большого чудища и шлепок за шлепком подбежал к самому входу в пещеру.

Мо Гуньгунь затянул вопросительное «мн-мн»: «Ты правда их видел? Где?»

Черная лисица пропищала: «Я видела их, когда был совсем маленьким. Я могу отвести тебя туда, где их видели в последний раз, но ты должен меня спасти».

Лисы — на редкость умный народ, даже если речь идет о самом глупом из черных лисят.

Комочек-панда поморгал, а затем с надеждой и замиранием сердца уставился на большое чудище: «Мн-мн, мн-ау».

Лицо невозмутимого Лу Сяоци слегка потемнело.

Мо Гуньгунь занервничал еще сильнее. Он не знал, как именно большое чудище поймало маленькое чудище и что оно собиралось делать, но ему очень хотелось повидать сородичей. Пусть даже панды — создания по природе одинокие, в чужих краях встретить представителя своего вида — величайшее счастье.

Боясь, что большое чудище его не поймет, Мо Гуньгунь маленькой лапкой указал на черную лисицу, затем жалобно дернул генерала за штанину и, задрав голову, заморгал сияющими черными глазками. После этого Мо Гуньгунь снял со спины золотистый бамбуковый побег и протянул его большому чудищу.

Мо Гуньгунь: «Мн, мн-ау».

Отдаю тебе, а взамен хочу вот это маленькое чудище.

И без того мрачное настроение Лу Сяоци окончательно затянулось тучами: выходит, кроха предпочитает этому черному угольку его самого?! Генерал молча выдвинул драконий хвост и положил его рядом с крохой. Видя, как у малыша загорелись глаза и как тот после минутного колебания все же решительно указал на черномазого, господин генерал окончательно лишился хорошего настроения.

подавив все эмоции, Лу Сяоци обвил хвостом шею черной лисицы и без малейшей мягкости вытащил ее наверх.

Черная лисица завопила благим матом, едва не обмочившись от страха.

Черная лисица визжала: «Спасите, спасите меня, спасите!»

Мо Гуньгунь тоже остолбенел и растерянно вытянул две лапки: «Мн-мн-мн-ау, мн!»

Лу Сяоци и Мо Гуньгунь какое-то время смотрели друг другу в глаза, но в конце концов, не выдержав жалобного выражения крошечной мордочки малыша, в которой собирались слезы, генерал опустил черную лисицу. Одной ногой он наступил на зверя, чтобы тот не дергался и случайно не навредил малышу.

Мо Гуньгунь опустил на все четыре лапы: «Мн».

Оказавшись в опасной близости от черной лисицы, Мо Гуньгунь с запозданием осознал, какой он крошечный, и побежал на своих косолапых коротких лапках обратно к большому чудищу. Спрятавшись за его сапогом и обхватив его лапами, он осторожно высунул крошечную голову, а два круглых ушка забавно задрожали.

Мо Гуньгунь: «Ты... сказал, что поведешь меня».

Черная лисица уже едва дышала — от чужого веса ей казалось, что она сейчас выплюнет кровь: «Я отведу, отведу! Только пусть он перестанет на меня наступать, это невыносимо больно!»

Мо Гуньгунь немного подумал и забрался под одежду большого чудища: «Если я отпущу тебя, а ты сбежишь, я больше не стану тебя спасать».

Мо Гуньгунь во всей красе продемонстрировал силу принципа «лиса использует мощь тигра».

Он сам не смог бы одолеть это маленькое чудище, но большое чудище могло прикончить его в два счета, так что он ни капли не переживал.

Мо Гуньгунь высунулся и затянул «мн-мн» для большого чудища.

Взгляд Лу Сяоци едва заметно дрогнул.

Мо Гуньгунь указал на черную лисицу, а затем двинул лапкой вперед: «Мн-мн~»

Подумав пару секунд, Лу Сяоци наконец рассеял тучи в душе, и на его лице промелькнуло мягкое выражение. Протянув руку, он легко погладил малыша, а затем слегка подтолкнул лисицу ногой.

Напуганная черная лисица уже не смела строить никаких козней — она послушно поднялась на лапы и двинулась в определенном направлении.

Лу Сяоци шагал следом за лисицей, а настороженность в глубине его глаз не ослабевала ни на секунду.

Прошагав около часа, черная лисица подняла лапу и указала на огромный валун: «Вот здесь».

Мо Гуньгунь завороченно уставился на этот камень, ощутив какое-то странное предчувствие — в нем смешались одновременно чувство близости и легкая тревога. Стоило им приблизиться, как он всем своим чутким естеством почувствовал нечто необычное. Мо Гуньгунь наклонил голову, разглядывая этот странный черный камень: казалось, привлекал его вовсе не сам камень, а что-то другое.

В отличие от ничего не понимающего и растерянного Мо Гуньгуня, Лу Сяоци сохранял далеко не такое спокойное выражение лица.

По сравнению с материалом, из которого состояли скелеты, этот кусок черной материи был редчайшим сырьем, добыть которое ради создания бомб в звездной системе CL-20 удавалось лишь случайно.

Стоило иметь хотя бы кусочек размером с ноготь, чтобы спровоцировать мини-черную дыру, а уж такой огромный валун...

Даже выдавший виды Лу Сяоци невольно оцепенел.

Если материалы скелетов могли сделать человека богачом, то этот материал CL-20 позволял сколотить целую могущественную империю.

Лу Сяоци неподвижно уставился на Мо Гуньгуня.

И большой, и маленький застыли в оцепенении. Заметив это, черная лисица осторожно попятилась назад, а почувствовав достаточную дистанцию, стрелой влетела в гущу зарослей и бросилась бежать со всех ног. Наконец добравшись до безопасного дома, черная лисица обняла

большую лису и горько заплакала, охваченная невероятным восторгом от пережитого спасения.

Мо Гуньгунь перебирал короткими лапками, приближаясь к камню, и осторожно принялся. Запах был ему незнаком, но родственная связь ощущалась совершенно отчетливо.

Ничего не понимая, Мо Гуньгунь уселся на землю кругом и легонько ткнул камень лапкой.

В следующее мгновение он кубарем скатился в небольшой провал, откуда донесся встревоженный голос большого чудища: «Малыш!»

Лу Сяоци воочию наблюдал, как внезапно открывшаяся черная дыра поглотила кроху, и чуть не лишился рассудка от ужаса.

Провалившись внутрь, Мо Гуньгунь пролетел несколько кувырков и завис в невесомости. Он в испуге озираясь по сторонам в этом кромешно-темном пространстве: вокруг царило умиротворение, а крошечные зеленые огоньки безмятежно кружили в воздухе. Один из таких огоньков промелькнул совсем рядом с Мо Гуньгуном, уплыл далеко вперед, а затем резко затормозил и вернулся обратно.

В голове Мо Гуньгуна раздался голос: «Ого?! Да это же новорожденный!»

Стоило этому удивленному возгласу прозвучать, как остальные мирно дрейфующие огоньки тут же сгрудились вокруг: «И правда! Откуда здесь взялся такой малыш?»

Один огонек, сиявший ярче остальных, сделал круг вокруг дрожащего Мо Гуньгуна: «Дитя, не бойся».

Огонек, размером едва ли уступавший ему, с размаху толкнул его в бок: «Мелкий, я вообще-то твой предок!»

Мо Гуньгунь: «□□□»

17. Возвращение потерянного Гуньгуна к генералу

Мо Гуньгунь был абсолютно сбит с толку и ничего не понимал.

Предки?!

Он и в страшном сне не мог представить, что доведется при жизни встретить старших родственников помимо мамы. Сейчас голова Мо Гуньгуна шла кругом от вопросов, и он даже

забыл, как бояться. Он внимательно вглядывался в эти огоньки и в каждом из них действительно улавливал смутные черты панды.

И что же это значит?

У каждого зеленого огонька проступали по два круглых ушка, крошечное туловище и шарообразная форма.

Они и вправду выглядели как комочки-панды.

Глядя на огоньки, Мо Гуньгунь отчетливо ощущал исходящие от них волны нежности и радости — это было зовом кровного родства. Несмотря на то, что вокруг царила кромешная тьма без конца и края, здесь не было страшно — напротив, от них непрерывным потоком исходили мир и тепло.

Тревога в глубине сердечка рассеялась, и он с изумлением разглядывал огоньки.

Они кружили вокруг него, словно не могли нарадоваться, и то и дело в сознании Мо Гуньгуна вспыхивали их восторженные или пораженные возгласы.

«Ах, малыш какой-то совсем крошечный. Неужели его плохо кормили? Кто посмел так пренебрегать им?»

«Какая прелесть, не думал, что даже спустя пятьсот лет после собственной смерти мне посчастливится увидеть столь полного жизни юного потомка».

«Какая милота, будь он моим сыном, я бы круглые сутки скармливал ему нежнейшие побеги бамбука!»

«Мелкий, как тебя зовут?»

Голоса в голове гудели громковато, но Мо Гуньгунь вовсе не сердился — он лишь изумлялся все сильнее.

В этот момент на передний план выскочил тот самый исключительно возбужденный огонек: «Хватит болтать! Малыш, послушай меня! Я твой предок!»

Остальные огоньки: «.....»

Мо Гуньгунь: «.....»

Остальные огоньки: «Считаешь нас тут за мертвецов? Да кто здесь не предкует этому малышу?»

Тот огонек: «Вы и так все мертвы!»

Мо Гуньгунь: «.....»

Ему почему-то стало неловко.

Неужели это и вправду его старшие сородичи? Почему они ведут себя так странно? Если бы малыш знал человеческий язык, он бы назвал их «троллями» или «шутниками».

Огонек: «Старый Третий, малыш такой милый, это мой собственный правнучек!»

«Чушь собачья! Ты со своей медвежьей рожей загнулся несколько тысяч лет назад, какой тебе внук, совесть есть? Это мое сокровище!»

«У тебя у самого не медвежья рожа? Он мой внук! Дратся хочешь?»

Мо Гуньгунь наблюдал, как эти огоньки сбились в кучу и начали формировать светящийся шар — казалось, они собирались устроить драку стенка на стенку.

Мо Гуньгунь слабым, детским голоском произнес: «Вы... здравствуйте?»

Писк комочка-панды пременил драчливых предков-пандухов: их свирепый боевой настрой вмиг испарился, уступив место предельному умилению.

Какой-то шар умиленно запел: «Малыш, я и вправду твой предок».

Мо Гуньгунь: «Здравствуйте, эм... дедушка-предок».

Тот шар пришел в неопишуемый восторг и принялся наперебой отзываться: «Ага-ага! Здравствуй, здравствуй!»

Окруженный толпой мертвых панд-предков, Мо Гуньгунь чувствовал себя слегка неудобно. Он поскреб лапкой ухо, чем вызвал новую волну восторгов и похвал: «Только посмотрите, какой у нас чудесный малыш, даже ушки умеет чесать!»

Мо Гуньгунь опешил: «...¿»

Облизнув маленький носик и смущенно качнув хвостиком, Мо Гуньгунь невинно заморгал.

Вновь раздались взрывы восхищения: «Ой-ой, наше сокровище облизало носик, хвостиком виляет так мило, все отдадим, чего ни попросит!»

Мо Гуньгунь лишился дар речи.

Наклонив голову и слушая уже в третий раз повторенные похвалы, он молча подумал про себя: должно быть, это какой-то странный кошмар.

Подобное продолжалось до тех пор, пока из дали не приплыл самый крупный световой шар — именно он первым успокоил Мо Гуньгуня словами «не бойся», и он же был тем самым предком, которого другие швырнули в сторону во время стычки. Подплыв ближе, он задействовал едва различимые очертания лапы и отвесил пинок тому чересчур возбужденному предку-шару.

Остальные огоньки мгновенно притихли и затаили дыхание.

Самый крупный шар произнес: «Я предок Ай, а также старейшина в третьем поколении для всех этих никудышных потомков. Можешь звать меня дедушка Ай».

Многие огоньки мысленно упрекнули его в том, что он пользуется старшинством и ведет себя бессовестно, но возразить никто не смел — очевидно, этот предок Ай обладал высочайшим авторитетом.

Мо Гуньгунь кивнул: «Здравствуйте, дедушка Ай».

Усопший предок Ай изрек: «Малыш, раз ты смог сюда попасть, значит, твой природный дар чрезвычайно велик».

Мо Гуньгунь не совсем понял: какой у него такой дар?

Подумав и поломав голову, он пришел к выводу, что его главный талант — это способность много есть.

Разве обжорство тоже считается даром?

Дедушка Ай продолжил: «Малыш, это мир первопредков панд. Мир предков способен защитить тебя и оградить от лишних бед».

Мо Гуньгунь понимал происходящее наполовину, но держался весьма почтительно, что доставило дедушке Аю большое удовольствие.

Дедушка Ай: «Будучи выдающимся внуком нашего истинного рода панд, ты должен возродить наше племя! Итак, дальше...»

Дедушка Ай: «Ты ведь не откажешься?»

Мо Гуньгунь на мгновение замолчал, и в нем, как в истинной панде, вдруг проснулось некое чувство долга: «Хорошо».

Так Мо Гуньгунь узнал, с чем именно ему предстоит столкнуться.

Глядя на бесконечные ряды книг, Мо Гуньгунь почувствовал, как в голове гудит. Не поздно ли ему сейчас передумать?

Дедушка Ай указал на груды сокровищ в глубине пещеры: «Можешь взять одну вещь, а за остальные придется платить обменом».

Сокровища громоздились горами, Мо Гуньгунь нашел их красивыми, но особого значения не придал.

Внезапно его взгляд зацепился за предмет, отдаленно напоминавший ту штукину, с которой возилось большое чудище, и его глаза ярко вспыхнули. У большого чудища та вещица выглядела неказисто и была некрасиво обугленной, а эта сияла куда ярче. Интересно, понравится ли она большому чудищу...

Но тут он замер. А вдруг большое чудище испугается за него? Ведь он так внезапно исчез.

Вспомнив о серьезности проблемы, Мо Гуньгунь не смог усидеть на месте: «Я действительно могу взять абсолютно все?»

Дедушка Ай: «Разумеется, ты потомок, так что можешь выбрать что угодно, но запомни: только одну вещь».

Окинув взглядом сокровища, он мысленно отвернулся от источающего дивный аромат фрукта. Мо Гуньгунь сглотнул слюну и после короткого раздумья все же выбрал кристальную пластину, казалось бы, пылающую изнутри языками пламени. Большое чудище относилось к нему необыкновенно хорошо, а фрукт он сможет выменять как-нибудь в другой раз.

Рассудив так, Мо Гуньгунь тихонько произнес: «Тогда я беру эту пластину. А если я захочу обменять ее на тот фрукт, что мне для этого потребуется?»

Дедушка Ай бросил взгляд на фрукт и строго предупредил один из световых шаров: «Это наш потомок, не вздумай заламывать цену, мошенник!»

Огонек, названный мошенником, тут же выплыл вперед: «Малыш, у тебя отличный вкус! Этот фрукт невероятно полезен для панд: съешь его, и не только продлишь себе жизнь, но и сделаешь шкурку гладкой и шелковистой, а вечная молодость станет не мечтой, а реальностью...»

Дедушка Ай: «Кхе-кхе».

Мошенник осекся: «Сокровище мое, отдаешь клочок шерсти по фиксированной цене. Меняем?»

Мо Гуньгунь совсем растерялся. Он ошеломленно уставился на мошенника, полные недоумения глаза малыша говорили о том, что этот кошмар слишком уж абсурден.

Осторожно переспросив: «Она станет совсем без шерсти?»

Мошенник незамедлительно ответил: «Разумеется! Зато шевелюра гарантированно будет гладкой и шелковистой!»

Мо Гуньгунь решительно и сурово отверг это предложение.

Каким бы вкусным ни был фрукт, ему такое не нужно. Он уже один раз лишился своей шкурки, и теперь его шерсть — его главное сокровище.

Нет-нет, если подумать, в прошлой жизни с него и вовсе содрали шкуру целиком.

Мо Гуньгунь крошечными лапками попятился назад.

Мо Гуньгунь: «Не меняю! Мне нужна только эта пластина!»

Мошенник еще пытался что-то возразить, но малыш проявил непреклонность и спешку, поэтому бедолаге пришлось отступить и вернуть слово дедушке Аю.

Пристроив за спиной пару детских книжек мира панд и прижимая к груди пластину, Мо Гуньгунь обернулся и попрощался со старшими.

Картинка перед глазами мгновенно растаяла. Дедушка Ай вперил взгляд в вновь опустевшее черное пространство, тяжело вздохнул и обратился к огоньку, который сиял ярче него самого, но появился неизвестно когда: «Скажи, так ведь действительно будет лучше?»

Огонек слегка мерцал: «Ничего страшного. Рано или поздно это должно было случиться».

Дедушка Ай заколебался: «А не слишком ли несправедливо по отношению к нему? Он ведь еще такой малыш».

Огонек ответил: «Смотри, чтобы никто не смел его обидеть. Пусть У-да и У-эр защищают его тело».

В тот же миг перед глазами Мо Гуньгуня сверкнула вспышка, и он вновь очутился перед тем самым большим камнем. Не успел он толком закрепиться на лапках, как две большие руки бережно подхватили его на руки.

В зрачках Лу Сяоци еще теплился остаток недавней паники. Он принялся крутить малыша туда-сюда, тщательно осматривая его с макушки до пят, не пропуская ни единой детали — даже до маленького хвостика добрался, откинув его в сторону, чтобы проверить задний проход.

Мо Гуньгунь: «Σ(°Δ°|||)□»

Мо Гуньгунь засуетился, недовольно заурчал и снова ошетинился, зажав хвостик лапками от пережитого испуга.

Вытаращив глаза, Мо Гуньгунь выдал: «Мн-мн-ау!»

<http://bllate.org/book/21220/2147342>